

INSPIRIA

2026-06-01 23:59:81

REC

CAM 01

ИСПОВЕДЬ ЖЕРТВЫ

КТО РЕШИЛ, ЧТО ТЫ ДОСТОИН ЖИТЬ?
ДЕБОРА МАССОН

 INSPIRIA

Дебора Массон
Исповедь жертвы
Серия «Ток. Национальный
бестселлер. Британия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74009802
Исповедь жертвы / Дебора Массон ; [переводс английского Л.
Прокопенко]: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-248210-6

Аннотация

**ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ СЕРИАЛОВ «ДЕКСТЕР» И «ТЫ»
ЭТА ИСТОРИЯ О КОНТРОЛЕ, ВЛАСТИ И
ОДЕРЖИМОСТИ. ОБЕРНИСЬ, МОЖЕТ БЫТЬ И ТЫ ПОД
НАБЛЮДЕНИЕМ?**

Уэсли Харпер был ребенком, когда его мир рухнул в одно мгновение: отец-убийца, мать-жертва, новый дом и чужое имя. Сейчас Кейси Картер – идеальный социальный работник. Терпеливый, внимательный, незаметный. Он работает в Центре помощи полиции, помогая выслеживать людей, ведущих асоциальный образ жизни. Только в этой работе есть тонкая грань между слезкой и одержимостью – и Кейси давно ее перешел.

Теперь он жаждет справедливости.

Однажды три незнакомца – Джен, Билл и Льюис – просыпаются в запертой комнате. У похитителя необычное требование – признаться в самых страшных секретах. У каждого есть то, о чем они предпочли бы забыть навсегда. Но чем дольше они находятся взаперти, тем больше растет уверенность – похититель знает о них слишком много.

Что связывает этих случайных людей? И какую вину из своего прошлого Кейси пытается искупить, став их судьей, присяжными и палачом?

«Восхитительный триллер, вознёсший новую звезду. Дебора Массон, отныне ты и сама под прицелом моего внимания» – Питер Джеймс, автор зарубежных детективов.

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дебора Массон

Исповедь жертвы

Серия «Ток. Национальный бестселлер. Британия»

Deborah Masson

I'LL BE WATCHING YOU

Copyright © Deborah Masson 2026

Перевод с английского *Л. Прокопенко*



© Прокопенко Л., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Шесть лет назад

Она касается педали газа носком кроссовки, едва-едва, а

затем снова убирает ногу.

Маленький красный автомобиль стоит всего в нескольких метрах от обрыва, утопая колесами в жидкой вязкой грязи.

Перед ее взором простирается бушующее Северное море, окутанное клочковатым белым туманом вплоть до серого горизонта. Волны бьются и шумят так же громко, как гром, прорываясь даже сквозь толщу металлической коробки, в которой она находится.

Ее тело застывает. Лицо мокрое, как и море, дыхание – прерывистое, как порывы ветра снаружи.

Ее нога замирает над педалью. Хватит ли ей смелости, чтобы преодолеть этот путь до края утеса? Отправиться в свободный полет?

Нужно всего одно движение... Всего несколько секунд...

Ее потрепанная кроссовка в очередной раз задевает узкую педаль. Шумящая в ушах кровь напоминает о том, что она все еще жива. И о тех, кто лишился своих жизней из-за нее.

Она стонет и откидывает голову на спинку сиденья. Слезы скатываются дальше, на бежевую футболку, а горло сдавливает страхом и сожалением, душащими ее.

Она неистово бьет по рулю, хватая его обеими руками до побелевших костяшек пальцев, трясет, пока тот не начинает скрипеть, – и воет в ветровое стекло.

Ее лоб с силой врежется в руль – бах! – и она рыдает.

Заставляя себя дышать, она нащупывает пальцами ключи, болтающиеся в замке зажигания. Глушит двигатель, выдер-

гивает их и поднимает голову, чтобы посмотреть на воду.

Она фантазирует, каково это будет – прыгнуть в пасть бездны, позволить ей поглотить себя без остатка. Окажется ли эта смерть столь же ужасна, как ее жизнь?

Кашляя и задыхаясь, она снова вставляет ключи в замок зажигания и оставляет их висеть там. А потом она опускает солнцезащитный козырек и разглядывает прикрепленную к нему фотографию, ведя пальцем по лицам, обращенным к ней. Берет снимок в руки.

Ее пальцы сжимаются на бумаге, и она открывает дверь. Она выходит из машины, и ветер хлещет ее по лицу и ногам, обжигая соленым морским воздухом. Дверь остается открытой; она не берет с собой больше ничего и делает шаг вперед, глядя только на свои стопы, которые влекут ее к обрыву, несмотря ни на что.

Она останавливается, не дойдя до края, так близко к пропасти, что может ощутить ледяные брызги на своем лице. Слизирует соль с верхней губы, в то время как ее ноги утопают в грязи, а тело раскачивается на ветру.

Ее голова наклоняется вперед, и зазубренные скалы внизу представляются ей зубами, готовыми сомкнуться вокруг ее тела, прежде чем сбросить его в глубокую темную глотку моря.

Если бы только она могла довериться ветру. Чтобы он подхватил ее. Унес в морскую пучину.

Ей уже нет пути назад, она знает это. Знает, что произой-

дет, если она вернется. Что уже случилось с близкими и дорогими ей людьми.

Она закрывает глаза и вспоминает о жизни, которая у нее когда-то была. А потом о тюрьме, в которую та превратилась. И уже никто не поможет ей сбежать.

Интересно, каким будет их воссоединение? Сжимая в руке крошечный снимок, она мечтает, как избавится от этой боли.

Ее нога, дрожа, приподнимается, и секунду, пока уговаривает себя шагнуть вперед, в ничто, она балансирует только на одной опоре. Битва между ее сердцем и разумом продолжается, даже когда она представляет, как выбирается из своей клетки. И позволяет себе освободиться.

Глава 1

Настоящее время

– Куда мне смотреть?

Я пристально вглядываюсь в девять огромных мигающих в темноте экранов на стене.

– На ту, которая машет руками. Только приготовься. Сейчас увидишь неприятные подробности.

Я обнаруживаю ее на третьей камере.

– Боже, гены не обманешь.

– Ага. Не знаю, как ты, но я рад, что мои маленькие рыбки никогда не будут плавать в этом генетическом бассейне.

Я бросаю взгляд на Робби. Не уверен, что его рыбки вообще имели счастье плавать где-либо. У него практически нет шеи, а задница свисает по обе стороны кресла.

Я тяну на себя тумблер на столе, и изображение размахивающей руками девушки появляется на изогнутом мониторе передо мной. Я увеличиваю зум. Сходство просто поразительное.

– Год там не пошел ей на пользу.

Робби издает нечто среднее между фырканьем и смешком, и из его рта вылетает кусочек глазури розового цвета, который приземляется на клавиатуру перед ним.

– Ее мать из тех же мест. Полагаю, она и сейчас за решеткой.

Шелли Баркер. Женщина, которая вряд ли может претендовать на звание матери года. Спутать ее дочерей с кем-то другим просто невозможно – они словно ее двойники, затасанные ею же в круговорот проституции и запрещенки. Старшая, Шэрон, уже мертва, а на младшую, Шарлин, мы сейчас и смотрим.

Лицо Шарлин измождено; она состарилась намного раньше времени. Еще бы, она столько раз попадала в тюрьму, что та для нее стала все равно что домом отдыха.

Некоторые люди с самого начала не имеют ни шанса, и девочки Баркер являются наглядным тому доказательством. Робби следил за ними с их юных лет; автокатастрофа их жизни разворачивалась прямо у него на глазах, и он ничего не мог с этим поделать.

В этом-то вся проблема. Эта работа подобна поездке по человеческим судьбам. Мы наблюдаем за происходящим из-за тонированного ветрового стекла, а они, шагающие перед нашим капотом, даже не подозревают о нашем существовании.

Пока Шарлин не доставляет больших хлопот, но скоро это изменится. Выпивохы, околачивающиеся в дневное время на Сент-Николас-стрит, давно стали проблемой, и проблемой серьезной. Мы ежедневно связываемся по внутренней связи с местными копами. Те отвечают на вызов, выезжают на место, и им приходится выслушивать отборную брань в свой адрес. Конечно, пьянчуги разбегаются, но минут через де-

сять они снова будут здесь.

Робби присвистывает:

– Она ни капли не боится.

Шарлин подскакивает к какому-то парню вдвое больше нее и тычет ему в лицо костлявым, пропахшим никотином пальцем. Ее покрытый язвами рот обрушивает на него поток ругательств, и, судя по выражению лиц прохожих, она в них не стесняется.

Парень отшатывается, и его глаз скрывается за лохматой сальной челкой. Молния его некогда белой спортивной кофты «*Kappa*» расстегнута, демонстрируя отсутствие футболки и торчащие ребра.

Шарлин не унимается. Ее ладонь бьет по его скуле, и голова парня дергается в противоположную сторону. Грязный ботинок-угги приподнимается и пинает его в голень.

Рация оказывается у меня в руке ровно за секунду до того, как он наносит ответный удар.

– Ссора между женщиной и мужчиной на Сент-Николас-стрит.

И вот теперь уже он бьет ее. Шарлин падает на тротуар.

– Женщина сбита с ног.

Рация трещит, и один из патрульных докладывает, что они рядом и уже выдвинулись.

В комнате видеонаблюдения становится тихо. Ни я, ни Робби, и уж тем более ни две другие команды, работающие здесь с нами, – «Передвижение» и «Жилье», операторы ко-

торых столь же стремительны, как и их работа; мышцы против нас, людей, – не производим ни звука. Все мы прячемся здесь. В самой заднице колледжа Маришаль, здания, которое туристический совет так любит преподносить как символ этого гранитного города. Но для меня это просто очередной рабочий день в офисе.

– Что у нас на обед? – спрашивает Робби, для которого еда – главный источник радости в жизни.

– Обед еще только через полчаса. Может, «Греггс»?

– Ты идешь, ты и выбирай. Я бы не отказался от рогалика.

Я оставил все попытки заставить Робби произнести слово «круассан», даже несмотря на то, что это его стандартное дополнение к двум сосискам в тесте.

Робби фыркает и стряхивает розовые крошки, прилипшие к растрескавшемуся желтому логотипу Бэтмена на его футболке. Я все еще ощущаю приторно-сладкий запах булочки, когда смотрю на этот логотип, и понимаю, что Робби считает, будто эта работа делает его супергероем, – но кто я вообще такой, чтобы разрушать его фантазии?

Так что сегодняшний день пройдет так же, как и любой другой до него. За наблюдением. Некоторые из этих людей значатся в списках хорошо известных нам лиц. Длинном перечне, находящемся всегда под рукой потому, что они стали объектом пристального внимания полиции. С подобными нарушителями правопорядка мы имеем дело изо дня в день. Более того, мы делаем ставки на их выбывание – ино-

гда это происходит потому, что кто-то загремел в тюрьму, иногда потому, что его прибрала к себе смерть. А когда на улицы попадает новый, сомнительный вид наркотика – примерно каждые три года, – вычеркивается много имен. В какой-то момент мы даже начали заключать пари перед началом смены, пытаясь угадать, кто мог умереть за время нашего отсутствия. Потеря некоторых ощутимо расстраивала. Еще бы, ты так погружаешься в их жизнь, как погружаешься в жизнь людей, на которых подписан в социальных сетях, напрочь забывая о том, что конкретно в данном случае ты никогда с ними не общался, да уже и не сможешь. И что, пока они были еще живы, они и понятия не имели о твоём существовании.

И конечно же, наряду с завсегдатаями всегда есть ничем не выделяющиеся середнячки. Серая масса на фоне остальных. Те, кто редко отклоняется от нормы, но порой способные и удивить.

Но что мне по-настоящему нравится в этой работе, сложная она или нет, так это то, что каждое лицо из этой толпы сообщает мне невероятное количество информации, не произнося ни единого слова; каждое движение их тела говорит мне, что они чувствуют. А еще я могу видеть, как они ведут себя, когда думают, что на них никто не смотрит. Я вижу их «спрятанное ото всех». То, что всегда скрывается под маской даже для самых близких.

Вот почему я никогда не понимал парней, которые ухо-

дят с этой работы, сетуя на ее однообразие, сухость в глазах и затекшую шею. Что вообще может быть скучного в наблюдении за людьми? В этом редком даре, позволяющем постичь, что движет человечеством? В возможности созерцать повседневную жизнь обывателей, даже не подозревающих, что я где-то рядом? В мире, где знаменитости – это новая аристократия, где слава приходит просто так, буквально ни за что, где реалити-шоу регулярно собирают миллионы телезрителей, чем все эти подражатели интереснее тех, кто сейчас отображается на экране передо мной? Все эти бессмысленные ролики, на которые кликается тысячи раз и ставятся тысячи лайков. За чужью из чьих-то чужих жизней следят миллионы подписчиков. Или, по крайней мере, за той жизнью, которую они *хотят* показать и в которую они *хотят*, чтобы ты поверил. Тщательно отредактированную и отфильтрованную.

Но здесь – *на этой работе* – все настоящее. Реальные люди. В реальной жизни. Без фильтров и каких-либо украшений. Так почему бы не воспользоваться шансом и не понаблюдать? Тем более *за деньги*.

Стать Всевидящим. Всезнающим. Стремительно преодолевать огромные расстояния без необходимости использовать ноги и транспорт. Бродить среди толпы, *быть ее частью*. И при всем этом оставаться невидимым.

Я могу менять судьбы одним щелчком тумблера или включением рации. Манипулировать временем, искривлять

его. Предотвращать преступления, спасать жизни, защищать людей от самих себя.

Я чувствую на себе взгляд Робби. Я всегда замечаю, когда его внимание приковано ко мне, а не к экранам.

– Я не могу просиживать задницу и терпеть еще полчаса. Ты идешь в «Греггс» или как?

Что ж, даже супергероям нужно есть.

Глава 2

Я выскакиваю через вращающуюся стеклянную дверь колледжа Маришаль на пешеходную улицу, уступив дорогу одному-двум автобусам. На дворе октябрь. Холодный воздух обжигает легкие на вдохе. Совсем скоро эта улица превратится в импровизированную рождественскую ярмарку, манящую забавами и весельем – если, конечно, ты готов расстаться с наличными в своих карманах.

Мои глаза привыкают к свету, пока я иду по Брод-стрит; справа на площади Маришаль возвышаются торговые и офисные здания, а слева – то, в котором располагается мое собственное рабочее место.

Робби не спустит с меня глаз, пока его рогалик не будет благополучно доставлен своему получателю. Я поднимаю глаза на камеру, подмигивающую с фасада «Косты», – маленький черный шарик, который выглядит так, будто на нем надета бейсболка. Большинство людей не знают, что она там. Во всяком случае, на улице не так много народу, чтобы заметить ее, – большинство сидит в кофейне, прижимая к себе кружки в попытках согреться. Я смотрю в камеру, улыбаюсь и показываю Робби средний палец.

Когда я прохожу мимо автобусной остановки возле подпольного паба «Стилл», который сейчас заколочен досками и выставлен на продажу, я вспоминаю – и уже далеко не в

первый раз, – как ожидал автобус на этой остановке в детстве. Это было на Хогманай¹, во время одной из самых суровых зим за последние годы. Пальцы рук и ног в шерстяных перчатках и ботинках из искусственной кожи застывали от мороза на обратном пути домой от моей тетки. Мои родители и понятия не имели, что все автобусы остановили из-за гололеда еще несколько часов назад. Они обнимались, а я мерз, пока они грели друг друга. В те времена моя мать все еще любила демонстративно подчеркивать, какое место я занимаю в ее списке приоритетов. А мой отец не видел ничего, кроме моей матери.

Она умерла не в ту ночь, но я часто задаюсь вопросом, уцелела бы она, если бы система видеонаблюдения существовала уже в то время. Если бы кто-то, подобный мне, спас ее, даже не встав со своего стула в темной комнатке и не оторвав глаз от экрана.

Но единственным человеком, которого показала бы камера в этом случае, оказался бы я. Оставленный сидеть у двери, пока отец разделял мою мать и вешал ее сушиться.

В буквальном смысле.

Он забил ее, разделал и подвесил ее тело на заднем дворе нашей семейной мясной лавки.

Мой дедушка Джо построил эту лавку своими руками, а потом передал моему отцу, который в свою очередь обучил и

¹ Хогманай – шотландский праздник последнего дня в году. (Здесь и далее прим. переводчика.)

меня, когда я достаточно подросток. Наверное, маме не следовало позволять ему это делать. Мне было всего восемь. А это слишком ранний возраст, чтобы смотреть, как расчлениают, потрошат и подвешивают животных. Запах крови никогда не выветривался с моих кожи или одежды по-настоящему.

Я работал в мясной лавке после школы, все каникулы и каждую субботу вплоть до моего раннего подросткового возраста. Папа привлекал меня к разделке туш так же, как и к общению с покупателями за прилавком.

Но вряд ли что-то сравнится с тем зрелищем, какое представлял мой отец, раскачивающийся за прилавком взад-вперед, весь покрытый кровью и плачущий. И я говорю «вряд ли» потому, что ничего из этого сам не помню.

В том, чтобы увидеть моего отца, вымазанного кровью, как раз таки не было ничего необычного, но представить его плачущим я не могу, – а я сказал полиции, что он именно плакал. Вероятно, это и заставило меня пойти на задний двор в поисках причины, ведь отец не мог ни смотреть на меня, ни ответить на мои вопросы. Опять же, это мне рассказали потом.

Маму обнаружили подвешенной на крюке. Голой. С блестящим металлическим клином, протыкающим ее кожу под подбородком и торчащим изо рта. Кровь, капающая с нее, уже натекла в лужу. Я, кстати, тоже был весь в крови; копы предположили, что, впад в шок, я, вероятно, обнял ее.

В последующие годы я часто просыпался по ночам. В сво-

их снах я видел ее, висящую на этом крюке. Со временем эти образы начали приходить ко мне и когда я не спал. Я мог увидеть ее перед собой в самые неожиданные моменты, безо всякого предупреждения. Когда шел по улице или пил чай.

Психотерапевт, к которому меня направили, сказал, что причиной тому может быть подавляемая травма. ПТСР – вот как это называют в наши дни. Но кто может сказать наверняка? Точно не тот умник, потому что я молчал как рыба, ничем не выдавая себя.

Я всегда думал, что название этой профессии весьма красноречиво. Мозгоправ. То есть кто-то, кто пытается проникнуть в мозг без моего на то разрешения, исправить там что-то против моей воли. А я на это не согласен. Так что я сделал вид, что слушаю его, и позволил ему думать, будто он чем-то помогает.

А говорил он много. То, чего я не помню и даже не собираюсь вспоминать. Единственное, что я вынес из его болтовни: что бы я тогда ни увидел, я был слишком мал, чтобы смотреть на такое.

Смерть моей матери пробила зияющую дыру в моей жизни. Пустоту, в которой мне суждено было страдать и в которую затем погрузилась вся страна. Лица моих родителей были на экранах всех телевизоров и страницах всех газет – тогда и на протяжении еще нескольких месяцев после.

Как и мое.

Сын Мясника.

Это прозвище наполнилось совершенно новым смыслом. Внимание СМИ ко мне было настолько пристальным, будто убийцей на самом деле был я. Некоторые журналисты даже высказывали предположения о моей причастности вслух, пока отец не обратился в суд. Меня преследовали репортеры и фотографы всех мастей, надеясь запечатлеть мое сиротское отчаяние – или же подтверждение моей вины.

И я беспокоился, что не выгляжу так, как должен выглядеть ребенок, потерявший сначала мать, а затем и отца. Мне было трудно выражать эмоции. Возможно, дело было только во мне, а может, и в том, что моя мать не проявляла ко мне чувств, когда была жива. Или и то и другое. Выглядел ли я безучастным? Отличающимся от других детей? Так, будто мне чего-то не хватало? С каждым днем эти размышления делали меня все более замкнутым – я отдалялся от других, от жизни; оглядываясь назад, я думаю, что я отдалялся даже от самого себя.

Те дни я проживал в надежде, что смогу подарить всем этим репортерам шанс, который вознесет их карьеру с уровня сводки местных новостей до национального масштаба. Я правда переживал, что могу подвести их. Но еще больше я боялся, что они действительно решат, будто я причастен к убийству своей матери. Что слухи расползутся и разрастутся, навесив на меня уже совсем другое клеймо, и разъяренная толпа потребует, чтобы меня самого подвесили, расчленили и выпотрошили, как забитое животное. Прямо как мою мать

на том крюке.

Конечно, детский дом, в который меня отправили, пытался меня оградить, но это была та еще задачка. Я по-прежнему жил в том же самом городе, ходил в ту же школу. «Чтобы минимально нарушить мой привычный уклад жизни» – это они привели в качестве аргумента. Особенно смехотворного после того, как моя жизнь была разбита вдребезги. Я уже не мог вернуться к той жизни, которую знал раньше. В конце концов фотографии получили свой снимок.

Увидев свое лицо, смотрящее на меня с газетных стендов, я больше чем когда-либо ощутил, насколько нереальной становится моя жизнь; все это словно происходило с кем-то другим.

Но потом мой отец сознался в преступлении. Он признал свою вину и был приговорен к пожизненному заключению. В качестве причины он назвал ревность – сказал, что моя мать трахалась с Колином, нашим соседом.

Отца я не видел с того самого дня, как его увезли; на суд я тоже не пошел. Я больше не хотел на него смотреть.

Сплетни, что гудели вокруг меня все это время, превратились в шепотки. Я остался один. Дети, ни один из которых никогда не дружил со мной по-настоящему, держались от меня на расстоянии и, прикрывая рты ладошками, спрашивали друг у друга: «Как думаешь, это мог сделать он?»

В конце концов я полностью отстранился от мира.

Я открываю дверь в «Греггс», и вместе с потоком горячего

воздуха из обогревателя, установленного над головой, на меня обрушиваются всевозможные запахи. Кофейня переполнена, и мне любопытно, каким я выгляжу для всех этих людей, кого они видят перед собой; я знаю, что я сейчас на виду, и потому моя маска плотно надвинута. Прошло уже много лет с тех пор, как кто-нибудь узнавал меня или шептался, прикрывая рот ладонью. По крайней мере, этому я рад.

Как все сложилось бы, если бы мы сделали так, как хотел отец, и въехали в квартиру над мясной лавкой, когда умер дедушка? Что произошло бы, если бы Колин не поселился по соседству? Что, если бы мы никогда не узнали об интрижке моей матери? Что, если бы то, что сломалось внутри меня... не сломалось?

Но никакое количество «если бы» не могло изменить того, что произошло, и со временем, по прошествии многих лет, моя пытка стала менее мучительной.

Я переизобрел себя. Сразу после выпуска из детского дома я официально сменил имя. Это было новое начало: новая личность, притворная уверенность и другой характер. Абсолютная нормальность. Я был твердо убежден, что смогу и в итоге стану обычным человеком. Взросление не только изменило мое тело, нарастив массу и увеличив рост, но и одарило растительностью на лице, заставило мои волосы потемнеть в сравнении с тем цветом, что был у меня в детстве. Я больше не был похож на Сына Мясника, который смотрел на меня когда-то с экранов и газетных страниц.

Рожденный заново – но не от своих родителей, от которых я имел несчастье родиться в первый раз, – я даже женился; но, к сожалению, счастья, как обычному человеку, мне не было суждено обрести. Потеря всегда была частью меня, и потеря тебя – Бет, моей любимой жены, – и той жизни, которую мы имели, оказалась самым жестоким ударом судьбы.

Я остался жить, видя твой призрак каждый день, и мое прежнее, убитое горем «я» грозило вернуться. Я улыбался и кивал головой, прокладывая себе путь по жизни, пока внутри меня бушевала война. Я вел себя нормально, хотя это было самым последним, что близко мне. Последним, чем я являюсь на самом деле.

Правду о моем детстве знает только Робби, и это не потому, что я ему что-то рассказал. Дело в том, что он узнал меня – даже повзрослевшего и изменившегося. Он разглядел во мне Уэсли Харриса. Сына Мясника, которого я оставил на том крюке вместе со своей матерью.

Я хочу сказать, а каковы были шансы, что это не произойдет?

Когда человек испытывает нездоровую одержимость преступлениями, проявляет особый интерес к убийствам, вероятность такого исхода очень высока. Наш Робби тоже был бы не прочь окунуться в мир тайн и криминала. А еще всяких сверхъестественных штук. Он верит во всю эту чушь так же сильно, как и в доказанные факты. Он знает и о твоём призраке, Бет, и верит в потусторонний мир так же сильно, как

и в тот, что видит своими глазами через камеры.

Он принимает меня таким, какой я есть, – таким, какой я сейчас. Таким, каким я представляюсь ему и остальному миру. Я думаю, ему даже жаль того мальчика, которым я был. Поэтому мне все равно, чем он занимается в свободное время, – главное, чтобы он не болтал о призраках моего прошлого.

Однажды Робби сказал, что то, что произошло в моем детстве, вероятно, и стало причиной, по которой я попал на эту работу. Возможно, мое подсознание пытается как-то исправить ошибку. На самом деле удивительно, что я прошел через все это и сумел так адаптироваться. Именно это слово он и использовал: «адаптироваться». Если бы он только знал.

До тех пор я и не подозревал, что Робби воображает себя Зигмундом Фрейдом для бедных и часами анализирует убийц. Так что неудивительно, что он выдал эту чушь, якобы я работаю здесь, чтобы суметь спасти кого-то другого, раз не смог спасти свою мать. Не смог спасти тебя. Некоторые – и наверняка среди них будет немало мозгоправов – скажут, что в этом есть доля правды. Я провожу дни и ночи, уставившись в монитор, именно поэтому.

Наблюдая. Выжидая момент.

Потому что я желаю обнаружить аномалию. Нуждаюсь в этом. Найти сбой в этой системе.

Глава 3

Впервые вышеупомянутый сбой я обнаружил в тот день, когда увидел тебя. Жену, которую я потерял. Мою Бет. Единственную женщину, которую я когда-либо любил. Ты являлась мне так много раз, что я сбился со счета. Само собой, я понимал, что ты ненастоящая. Все из-за уставших глаз, долгих смен, разума, играющего со мной злые шутки.

Но в тот день, в тот последний раз, когда ты предстала перед моими глазами четыре коротких месяца назад, мы всего час как заступили на смену, мое зрение и разум были остры. Робби уплетал уже вторую булочку с глазурью, и в офисной жаре сладкий запах казался приторным. Это был июль. Самый разгар лета.

Я прочесывал Маркет-стрит в поисках пропавшего подростка, которого не видели с утра предыдущего дня. Этот шестнадцатилетний паренек, насколько было известно его друзьям и семье, был совершенно непроблемным, и это исчезновение было крайне нетипично для него.

И поэтому в толпе из множества лиц я искал только одно определенное. Лицо, которое я никогда раньше не видел, среди тысяч других, тоже невиданных мной. То, которое нужно было найти. Каждая покачивающаяся голова в этой тихой, бурлящей, выжженной солнцем массе состояла из одних и тех же основных черт: двух глаз, двух ушей, одного

носа, одного рта. Меня никогда не переставало восхищать, насколько разный результат дает сочетание всех этих одинаковых частей вместе.

Одно лицо за другим проплывали перед моими глазами, пока внезапно не наступил тот момент: все нужные линии слились воедино, пробудив во мне чувство узнавания, – и на меня накатили наше знакомство, все переживания, наши воспоминания, эмоции... и моя боль. Вот что произошло в то утро. Все элементы сложились, и вот ты была здесь. *Ты.*

В тот момент все в этом мире совпало и в то же время оборвалось.

Мои движения. Дыхание. Сердце.

Не веря своим глазам, я почувствовал, как они сбились с ритма, и мои пальцы замерли на пульте, боясь пошевелиться, чтобы не потерять тебя.

Этого просто не могло быть.

Я знал, что это невозможно. Ты ведь умерла.

Лицо, которое я видел в своих снах, образ тех черт, которые оставались со мной еще долго после того, как я с криком просыпался от своих кошмаров. Эти льдисто-голубые глаза, которые не раз утешали меня в моих мыслях в редкие минуты затишья. Прошло так много времени с тех пор, как я в последний раз видел их по-настоящему. Порой я даже задавался вопросом: а существовали ли они вообще?

И вот ты была здесь. На экране прямо передо мной, словно я смотрел фильм, который столько раз прокручивал в го-

лове. Но сейчас ты была настоящей. Будто я каким-то образом смог воплотить тебя в реальность, как мираж в далекой пустыне, которой была моя жизнь.

Все во мне кричало, что это не ты, но я не мог рисковать потерять твое лицо в толпе; мои глаза изо всех сил пытались запечатлеть тебя целиком, но обзор заслоняли тела, плечи и головы других людей.

– Кейси?

Я встал и, игнорируя Робби, обошел свой стол, не спуская с тебя глаз на протяжении всего пути. Мое тело неудержимо влекло к главному экрану – к тебе. На мгновение я увидел тебя полностью. И мое сердце снова остановилось.

– Кейси? Кейси! Что ты делаешь, чувак?

Я бросил на него взгляд, отвлекся всего на долю секунды, и ты исчезла. Из моей груди вырвался стон, сердце опять сжалось, и я потерял глаза, желая, чтобы ты вернулась так же внезапно, как и пропала. А потом, чувствуя себя идиотом, по-прежнему приросшим к полу, хотя это нисколько меня не заботило, я снова остался один – тосковать в тумане иллюзии.

Все еще находясь во власти твоего образа, я протянул руку к экрану, будто за желанным глотком воды. Испытывая жажду тебя, твоего прикосновения. Чтобы эти глаза посмотрели на меня так, как смотрели когда-то до этого.

Я почувствовал руку Робби на своем плече.

– Это не она, приятель. Не Бет. Ты знаешь, что это не

может быть она. – Он развернул меня к себе, отрывая мой взгляд от экрана. – Приятель, это не она... *Кейси?* Приятель... это всего лишь призрак. Просто призрак.

Однако в тот день именно твой призрак – страх, что я могу потерять даже воспоминания о тебе, – заставил меня очнуться, привел все это в движение. Зажег во мне страстное желание найти этот сбой.

Найти их.

И я стал искать.

Выяснять, кто они и где сейчас находятся.

Я хотел знать, что произошло после того, как тебя у меня отняли, сказав, что другого выхода нет.

Глава 4

Льюис Тейлор – вот кем бы я мог стать, будь я человеком помягче.

Как я выяснил, его детство, подобно моему, и детством-то считаться не может. Оно было омрачено невзгодами и болью, и это глубоко повлияло на то, каким он стал, еще задолго до того, как у него появилась первая щетина над верхней губой. За много лет до того, как он избрал тот путь, который избрал, и предпринял те катастрофические шаги, которые предпринял.

За те часы и дни, что я наблюдал за ним, я видел, как он вел себя на глазах у других. Шагал по улицам с напускной развязностью и притворным высокомерием, отчаянно желая быть замеченным, в то время как на самом деле ему должно было хотеться спрятаться – от того, что происходило с ним прежде. Но вместо этого он стремился, всегда стремился к тому, чтобы перекроить себя заново, переписать свое будущее. В надежде, что когда-нибудь он кому-нибудь понадобится.

Но никто в его сторону и не смотрит, разве что с гневом или с насмешкой. И Льюис Тейлор понятия не имеет, что это никогда не изменится.

Уж я-то знаю не понаслышке. Не только потому, что наблюдал за ним, но и потому, что шел по его стопам, таскаясь

по тем же самым улицам много лет назад, прячась в тени и пытаясь скрыться от мира, который заклеил меня прозвищем Сын Мясника, но все же отчаянно желая, чтобы кто-нибудь увидел *меня*, настоящего. Я пытался *жить*, а не просто *существовать* день за днем, но боялся действительно жить, боялся, что кто-то внезапно может узнать меня. Боялся, что все эти слухи и теории заговоров возобновятся; желание и страх быть замеченным грозили поглотить меня с головой.

Так в чем разница между Льюисом и мной? Почему я выплыл, а он все еще тонет? Я смог измениться и стал наблюдать. На переправе между детством и взрослой жизнью я перемахнул через пропасть. Достиг другой стороны, стал другим человеком, а прежний я остался стоять там, глядя новому мне вслед.

Только тогда я смог увидеть то, что действительно отличает людей друг от друга. И я стал исследовать разницу между теми, кто сливается с серой массой, становясь невидимкой для окружающих, и теми, кто разбрызгивает краски на все, чего касается, требуя, чтобы их заметили.

Для того чтобы я смог оставить позади серость Уэсли Харриса и полноценно стать чистым холстом по имени Кейси Картер с палитрой наготове, мне нужно было научиться видеть все это – до того, как я нанесу первый мазок кистью. И я проводил бесконечные часы, внимательно наблюдая за тем, как люди взаимодействуют и проживают свои жизни. Слушал одну радиопередачу за другой, смотрел на все, что

отображалось на моем мониторе.

Я был художником в поисках своей музыки, изучающим малейшие нюансы мимики и языка тела, интонации и колебания голоса – мелочи, доступные каждому и позволяющие разглядеть то, что отделяет обыденное от волшебства, странное от общепринятого.

И о, как же мне хотелось вырваться из тела, в котором я находился, освободить того человека, что был заперт внутри. Я делал все, что мог, чтобы научиться этому, подражая другим и неустанно оттачивая свои актерские навыки, готовясь к исполнению спектакля своей жизни. Чтобы иметь возможность двигаться дальше и прожить *любую* жизнь, какую захочу.

Этого Льюис Тейлор никогда не сможет. Его неспособность видеть очевидна для меня так, как он даже сам не осознает свою слепоту. Он выдает ее неуверенным движением глаз, нервным подергиванием плеча, потиранием указательного пальца о большой. Он буквально излучает серость и ведет себя как человек, который чешется, чтобы соскоблить кожу, в которой ему неудобно. Страх, вина – оба эти чувства заставляют его скрестить все дальше. Они мешают ему двигаться вперед, освободиться от того, что сделали с ним и что он сам делал с другими.

От того, что он сделал с *тобой*.

Я узнаю этот зуд. Он не давал мне покоя долгие дни и ночи после происшествия с мамой и папой, все те годы, пока

я жил в детском доме. Я смог избавиться от этой чесотки, только когда наконец решил стереть Уэсли Харриса; когда я изменил курс своего будущего и решил вместо этого нарисовать Кейси Картера.

Еще одно достижение, которое Льюис Тейлор никогда не сможет совершить из-за сделанного им выбора.

Пока он шел своей дорогой, я выбрал тебя, Бет. Ты и наша жизнь были всем, что мне было нужно. Даже сейчас я бы выбрал тебя снова. Выбрал тысячу раз.

Я наблюдаю, как Льюис и его мать приходят и уходят из их квартиры на верхнем этаже многоквартирного дома. Я слежу за ними, изучаю их распорядок дня – точнее, то небольшое, что можно назвать распорядком.

Он ничем не занимается, когда выбирается из дома. Едва живет. Серость, серость, серость.

А она выходит только для того, чтобы проверить еженедельные изменения ассортимента средней ценовой категории в супермаркете «Лидл». Ох уж эта ее навязчивая охота за скидками на вещи, которые она никогда не будет использовать. Приглашения присоединиться Льюису никогда не поступало, или, во всяком случае, он никогда его не принимал, поэтому, когда она уходит, он всегда остается гнить в своей яме.

Но это ненадолго.

Я заставлю его встать с постели. Вернее, выпрыгнуть из нее.

И тогда Льюис Тейлор наконец-то почувствует, что его заметили, даже поняли. Я дам ему повод поверить, что он может перестать покрываться мурашками при мысли о самом себе. При любой мысли.

И я залью его мир таким количеством красок, что он будет молить, чтобы все обратно стало серым.

Глава 5

Едва перевалило за семь тридцать утра, а она уже приехала. И я не могу не улыбнуться этому. Мать Льюиса Тейлора приехала на добрых двадцать минут раньше, чем на прошлой неделе. Должно быть, я действительно расшевелил ее.

Она стоит ко мне спиной, но знает, что я здесь. Она в очередной раз оглядывается через правое плечо и смотрит через заляпанное дерьмом чаек ветровое стекло моей машины, в которой я сижу с работающим двигателем, поддерживая обогрев, прямо на меня. За последние пять минут это уже четвертый такой взгляд в мою сторону.

Она поворачивает голову обратно к витрине и прислоняется спиной к одному из металлических столбиков, расположенных ближе всего к стеклянным дверям. Грохот обшарпанных колес тележки, катающейся под натиском ее пухлых сжатых кулаков взад-вперед, доносится до меня даже в салоне. Она будто запускает какой-то невидимый двигатель, готовая рвануть с места, как только откроется дверь – или как только я, ее соперник, осмелюсь выйти из машины.

Я отвожу взгляд от ее скругленной спины и выглядываю в пассажирское окно. Движение на крутом холме Веллингтон-роуд уже нарастает, и в воздухе отчетливо слышен ровный гул автомобилей и грузовиков, везущих своих пассажиров на работы в многочисленные нефтяные предприятия

и автомастерские, разбросанные на близлежащих промышленных зонах. Но она не видит и не слышит ничего из этого, ее внимание сосредоточено исключительно на сине-желтом здании «Лидл» перед ней, расположенном в самом сердце городского промышленного района Восточный Тулос.

Вот внутри запертого стеклянного портала показывается парень в поношенной синей рубашке поло. У него отлично получается выглядеть занятым. Вероятно, он наслаждается той малой толикой власти, которой обладает, заставляя ее ждать. Она отрывает от него взгляд только для того, чтобы еще раз взглянуть на наручные часы, которые проверяла уже бесчисленное количество раз. Он теребит ключи, висящие у него на поясе, поддразнивая ее, а потом отпускает их, и связка покачивается. Он поворачивается и возвращается в магазин, исчезая между стеллажами, быть может размышляя о том, насколько, должно быть, печальна ее маленькая жизнь.

Но я точно знаю, как печально ее существование. Насколько все плохо. Знаю причину, по которой она так зациклилась на этом месте. В ее жизни больше не от чего получать удовольствие. Не с таким сыном, как Льюис.

На моих коленях лежит огромная тканевая сумка с логотипом «Лидл». Чем больше, тем лучше; так она поймет, что я настроен серьезно. Важно с самого начала привлечь ее внимание. Но после прошлой недели это почти само собой разумеющееся.

Я слежу за ней уже третью неделю. Первую я просто на-

блюдал издалека, и она понятия не имела о моем присутствии. На прошлой – я подошел ближе, пока она в спешке скупала последние товары со скидкой из среднего прохода.

До этого она даже не смотрела на кружку радужного цвета. Была слишком занята, распаковывая коробку с термобельем, прежде чем бросить его обратно на полку из металлической сетки, нисколько не побеспокоившись вернуть вещь в коробку.

Я стоял совсем рядом с ней, оживленно разговаривая по телефону. На другом конце никого не было, но она этого не знала.

– Да, милая, у них есть... – неестественно громко якобы от возбуждения сказал я своему воображаемому собеседнику, уставившись на кружку в руке.

Она тут же вскинула голову, еще до того, как я закончил предложение.

– Осталось всего две штуки. Невероятная цена по сравнению с теми, что мы видели. Майк сказал, такая возможность больше не представится.

Когда я наклонился, чтобы взять вторую кружку, она уже направлялась ко мне. Она и понятия не имела, что коробку с десятью такими же я спрятал под флисовыми покрывалами на соседней полке. Я выпрямился в тот самый момент, когда черные резиновые колеса ее тележки проехали по моей левой ноге.

– Ай! – Я отскочил назад для пушего эффекта и выпустил

обе кружки из рук.

Ее рука сразу же метнулась к полке и схватила одну из них под моим пристальным взглядом. Я изобразил возмущение, что она не извинилась.

Нахмурившись, я пробормотал в трубку:

– Дорогая, мне пора. – А потом демонстративно спрятал телефон в карман, прежде чем развернуться к ней всем телом. – Какого черта? Вы проехали тележкой по моей ноге!

Она даже не обернулась в мою сторону, продолжая сосредоточенно рассматривать разноцветную кружку, то и дело вертя ее в руках.

– Вы меня слышали? – Я указал на кружку. – И вообще-то она моя. Я взял ее до того, как вы меня протаранили.

На этот раз она все-таки посмотрела на меня, медленно повернувшись, как и кружка в ее руках до этого, словно бы делая мне одолжение, признавая мое существование.

– Да правда, что ли? Ты что, уже заплатил за нее?

Я позволил своему рту открыться и закрыться, прежде чем снова заговорить.

– Нет, но я как раз собирался это сделать.

Я бросил взгляд на оставшуюся кружку на полке, затем снова на нее, и в эту долю секунды вызов был брошен.

Мы одновременно бросились к ней и столкнулись головами, но мои руки схватили кружку первыми. И тут, к моему удивлению, она ударила меня по тыльной стороне ладони кружкой, которую держала в руках, чтобы заставить меня

отпустить другую.

– Что здесь происходит?

Парень выглядел едва ли старше подростка, и его голос дрогнул, когда он попытался проявить авторитет.

Лицо женщины стало багровым, щеки надувались и опали, а влажные губы начали подрагивать.

– Он пытается отобрать у меня эти кружки!

Мои глаза округлились.

– Чушь собачья! Она была на два шага дальше, когда я держал кружки в руках. – Я упер руки в бока, с трудом веря, что мог опуститься до такого уровня пантомимы.

Но мне нужно было это сделать, чтобы достичь своей конечной цели, и, как ни странно, я действительно ощутил прилив адреналина, как будто эта вражда была настоящей. В какой-то мере я даже смог понять, как люди докатываются до такого.

Она начала нервно раскачивать тележку взад-вперед.

– Неправда!

И так продолжалось целых пять минут, пока в конце концов паникующий подросток не позвал менеджера, того самого парня, который стоял сейчас у входа, и нам было объявлено, что либо мы можем договориться по-человечески и взять по одной кружке, либо он заберет обе и удалит нас из зала.

Я улыбаюсь этому воспоминанию и смотрю на разноцветную кружку в подстаканнике моей машины, гадая, где сейчас может быть ее кружка. Наверное, ждет своего часа в те-

лежке, готовая снова врезаться в меня, если я доставлю ей какие-то неприятности и сегодня.

Она снова поворачивается ко мне, и я поднимаю кружку, медленно прихлебывая из нее, наблюдая, как ее пальцы сжимаются на ручке тележки.

Ее внимание отвлекает вернувшийся хранитель ключей, который прилагает все усилия, чтобы отпереть дверь как можно медленнее. Она выпрямляется и подходит к стеклу – так близко, что, должно быть, рискует коснуться его носом. Я выключаю двигатель и не торопясь открываю дверцу машины, демонстративно выхожу, вытаскивая за собой огромную сумку. Сумку, достаточно вместительную для любой покупки.

Она оглядывается на меня через плечо еще раз, переступает порог магазина – и исчезает прежде, чем я успеваю достичь дверей. Просто идеально.

К тому времени, как я добираюсь до полок с ассортиментом средней ценовой категории, меня окутывает запах свежеспеченного хлеба, от которого у меня урчит в животе. Она стоит у первой ячейки, роясь в ее содержимом, как собака в поисках кости, прежде чем перейти к следующей. Она действует систематично, ничего не пропускает и лишь изредка поднимает голову, чтобы проверить, где я нахожусь.

Я же слоняюсь в другом конце прохода. Похоже, она раздумывает, не последовать ли ей за мной, но все еще держится на достаточном расстоянии, чтобы я мог поступать так,

как мне нужно. Не сводя с нее глаз, я высыпаю содержимое своей сумки для покупок в ближайшую клетку и снова прижимаю ткань к себе. Играя мне на руку, она сразу же начинает продвигаться по проходу ко мне.

Я протягиваю руку и поднимаю одну из фоторамок, которые только что бросил в корзину. В ней ничего особенного, это обычная декоративная рамка из металла шоколадно-коричневого цвета. Осталось только вставить любимую фотографию. Старая школа. Стандарт. Базовый вариант. Но с таким же успехом эта рамка могла оказаться и цифровой; она все равно ее захочет. Потому что ее хочу я.

Как и следовало ожидать, она наклоняется и подбирает две оставшиеся рамки. Ухмыляясь, она выпрямляется и смотрит на меня, потом на рамку в моей руке.

– Они вам нужны?

Я качаю головой:

– Я хотел сделать набор из двух.

Она смотрит в корзину.

– Похоже, вам не повезло. Но мне бы подошел комплект из трех.

Я смотрю поверх стенда на менеджера – того самого, что открыл входную дверь и который был здесь и на прошлой неделе, – он стоит рядом, ожидая, что вот-вот все начнется по новой. Я громко вздыхаю.

– Ладно, забирайте. Мне не нужны драмы.

Она практически вырывает рамку у меня из рук, и все три

исчезают в ее тележке, едва я успеваю разомкнуть пальцы. Вот же сука.

Я наблюдаю, как она устремляется обратно к полке, от которой пришла, а затем без особого энтузиазма перехожу к следующему стенду. Теперь уже не важно, что я выберу. Меня волнует только то, чтобы оказаться на кассе одновременно с ней. Спустя полчаса и несколько почти регбийных столкновений мы добираемся до касс. Я встаю прямо перед ней. Она разгружает свою тележку, особенно тщательно проследив за тем, чтобы рамки были поставлены на ленту последними, как можно дальше от меня. В безопасности от любых резких движений, которые я могу сделать.

Табличка над нашей кассой номер три горит, но кассир еще не успел подойти, и я решаю воспользоваться ситуацией. Я поворачиваюсь к ней.

– Послушайте, позвольте мне заплатить за эти рамки, – улыбаюсь я.

Я чувствую, как мне приходится прилагать дополнительные усилия, чтобы приподнять уголки губ и выглядеть более искренним. А ее руки уже накрывают рамки, удерживая их на конвейерной ленте; она изучает мое лицо. Затем ее глаз дергается.

– С какой стати вам это делать?

– Считайте это жестом доброй воли. Извинением за прошлую неделю. И за сегодня.

Ее рука поднимается с ленты и висит в воздухе, пока

она обдумывает мое предложение. Я пожимаю плечами. Она точно согласится. Она и в лучшие времена была придирчива к ценам, но лишиться возможности получить что-то совершенно бесплатно?

Она поднимает рамки и нерешительно передает их мне, с неохотой, как будто делает мне одолжение, позволяя извиниться и заплатить за них.

Я принимаю предметы из ее рук, ощущая ее запах застывшего пота, и кладу их рядом с моими немногочисленными покупками, которые набрал наугад. Повозившись со своей сумкой, я опускаю ее поверх вещей и засовываю рамки в нее в тот самый момент, когда продавец приходит на кассу. Я завязываю разговор с ними обоими, чтобы отвлечь внимание, пока оплачиваю покупки, после чего подхожу к подоконнику подождать ее, заранее достав рамки. Она приближается ко мне неспешно, а кассирша сразу же переключается на следующего покупателя, и про нас двоих мигом забывают.

Она принимает рамки и убирает их в свою тележку. Из ее раззявленного рта выпадает невнятное, сдержанное «спасибо».

– Не за что. Надеюсь, они принесут вам радость. – Я улыбаюсь и выхожу из магазина вперед нее.

Миссия выполнена. Остается надеяться, что она воспользуется хотя бы одной из них.

Глава 6

После работы большинство парней идут в бар пропустить по кружечке пива. Но не мы с Робби. По крайней мере, речь идет не о «кружечке».

Ресторан «Космо» в торговом центре на Юнион-сквер, как обычно, переполнен. Это один из тех с шведским столом, где все посетители – и мужчины, и женщины, и дети – носят одежду на резинке, а столы сдвинуты так плотно, что свободно перемещаться между ними затруднительно. Так что саундтрек к нашему сегодняшнему ужину – гул болтовни, звон столовых приборов и непрерывный скрип отодвигаемых от столов стульев.

Поужинать вне дома после дневной смены было моей идеей, эдакое своеобразное поздравление себя с тем, что сегодня фоторамки оказались там, где им и полагается быть по моему замыслу. Я провожу время с Робби, чтобы отвлечься, пока жду, исполнит ли мать Льюиса свою роль.

Я принялся за еду всего десять минут назад, а Робби уже вернулся к буфету и, пыхтя, накладывает себе вторую порцию горячего. Он, как и все остальные здесь, отлично знает, что может подходить туда столько раз, сколько захочет, но ему нравится максимально нагружать свою тарелку слоями, как какой-то гребаный торт.

– Оставь что-нибудь и детям, приятель, – фыркаю я, ко-

гда он садится напротив и ставит свою тарелку на стол так, словно это святой Грааль.

– Пусть об этом беспокоятся их родители.

Что ж, наш Робби никогда не говорил, что хочет завести семью; ни разу даже не обмолвился, что ему кто-то может быть нужен. Он человек, который довольствуется самыми базовыми вещами. Достойная профессия, хорошая еда. Единственное, что, по его мнению, немного выделяет его из толпы, – это совместная работа со мной, Сыном Мясника. Полагаю, это заставляет его чувствовать себя немного особенным в каком-то своем, печальном смысле. Я его рок-звезда – парень, который был по другую сторону объектива камеры, а теперь оказался по ту же сторону, что и он, а он – мой напарник.

Но, несмотря на свое очевидное пристрастие, Робби никогда не спрашивал меня ни о чем-то, связанном с убийством моей матери, ни обо мне в целом. «Это не мое дело», – так он говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.